



Живет в Москве (Россия). Визитная карточка участника.

### Не картавь...

Прислушайся, какая тишина  
звнящая, и лишь твое дыхание  
рождает звуки и полутона.  
Как хочется лепешек и вина  
и одинокой скрипки трепыханья  
в руках, забывших, как её ласкать.

И безнадежно закартавит муза:  
Прими жиды, охранник, за француза.  
Его печали – не моя тоска.

Вдруг зачирикал глупый воробей  
и - будто спали - пробудились гнусы.  
Поймать бы пару сизых голубей.  
Они нежней, сытнее и жирней.  
Детишки тоже были толстопузы,  
но перемёрли.  
Здесь они обуза.

Жизнь тут строга, обрядна, и честна  
в сравнении с довоенной круговертью.

В концлагерь глупо ворвалась весна.  
Так надышись плутовкой допьяна  
и помечтай о быстрой, легкой смерти.

### **Meine liebe Frau**

И лезла сирень сквозь оконные створки,  
пока пузырилась в тазу гимнастерка,  
пилотка и гетры оттенков фельдграу,  
и Ганс под подолом ласкал «liebe Frau»,  
а Фрау Маруся, еще молодая,  
белье полоскала, ему угождая.  
Бывало, девчушкам носил он конфетки,  
наверно, тоскуя по маленькой Гретхен.  
Да что там. Не первый он был на постое,  
но всех вспоминать - это дело пустое.  
Тогда она знала одно - нужно выжить,  
а время из памяти лишнее выжжет.  
Теперь столоваться черёд капитана,  
И видом казистый, и склонен к роману.  
Она крутобёдра, стройна, большерота,  
а в окнах сирень сорок пятого года.  
Весна расслабляет, пьянит и кружит...  
- Ты с немцем жила?  
- На войне разве жисть.  
- Ну, значит, не ввали. А муж как вернется?  
Зачтется, дуреха, тебе, ох зачтется.  
- Так мужа убили. Еще в сорок третьем.  
- А детки - его?  
- Да, советские дети.

- Но разве так можно... пока мы там гибли.  
- А кто в 41-м тут драпал, не вы ли?  
- Да я ж тебя! Драпали. Было...давай-ка,  
и мы про войну позабудем, хозяйка.  
(Ну, пользуй, ты - наш. Воевал. Значит – можешь.  
И дочки сегодня вернутся попозже).  
А если уж страсть, если вещи по полу,  
то свой ли, не свой - лишь бы был понежнее.  
Наладится жизнь. Ремонтируют школу  
и сахар давали вчера в бакалее.

### Рыжие ботинки

Я вдруг представил, сидя на привале,  
что вырос возле мюнхенских пивных.  
И вот меня обрили и призвали  
строчить по нашим с ихней стороны.  
Ну, то есть те теперь как будто - наши,  
а наши, значит, злейшие враги,  
И Фритцем звали моего папашу,  
и у меня немецкие мозги.  
Фельдфебель выдал рыжие ботинки,  
и сам он рыж, как прусский таракан,  
и здоровущий, прямо как с картинки  
(сержант наш, впрочем, тоже великан).  
И мы воюем при любой погоде.  
Под Прагой? Под Берлином? Под Москвой?  
Уже не помню, только будто вроде  
сражаюсь я с дивизией родной  
от взвода своего неподалёку.  
С боекомплектom полный нормалёк.  
И я скосил из шмайссера Серегу  
как тоненький зеленый стебелёк.  
Ну что ж, один убит, по крайней мере.  
А не вставайте на моем пути!  
Но понимаю - его маме Вере  
я похоронку должен принести.  
А вот и сам в себя затем стреляю,  
и кто кого убил – я не пойму,  
и никого уже не разделяю.  
Ах, разобраться б в этом самому ...  
Года пройдут-проглотятся, как слёзы,  
и я, старик, в последний выходной  
уже с утра не сильно и тверёзый,  
опохмеляясь на углу в пивной

и собирая память по крупинке  
(вокруг берлинцы или москвичи?),  
вдруг вспомню эти рыжие ботинки.  
Да нет, на мне же были кирзачи.

